

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 82 (3738) Вторник, 9 июля 1957 г. Цена 40 коп.

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

Работники литературы и искусства единодушно одобряют решения Пленума ЦК КПСС

ЛЕНИНГРАД Страстно звучали речи писателей-коммунистов Ленинграда, обсуждавших на своем собрании решения Пленума ЦК КПСС.

Делегаты ответственного секретаря Ленинградского отделения Союза писателей А. Прокофьев в восторженном тоне говорили о работе исторического июньского Пленума ЦК КПСС, участником которого он был, о победе генеральной линии партии, о решительном разгроме фракционной группировки Маленкова, Кагановича, Молотова.

— Сговор против партии и народа быстро разоблачен. Да и могло ли быть иначе? Антипартийная группа, оторванная от жизни, не видела и не хотела видеть того всеобщего подъема, тех замечательных ролеров народной интуиции, которые начали бить в стране после XX съезда партии.

— Мы, ленинградцы, — продолжал А. Прокофьев, — прошли через огонь и смерть, мы знаем, что такое мир, как дорог он людям. А эти домгатики и фракционеры пытались сорвать работу партии по укреплению социалистического лагеря, пытались противодействовать ленинскому курсу на мирное сосуществование государств с различными социальными системами, на ослабление международной напряженности.

Примкнувший к антипартийной группе карьерист Шепилов пытался опорочить, принизить значение исторической встречи работников литературы и искусства с руководителями партии и правительства, — сказал далее А. Прокофьев. — На пранкине, в жизни, мы все, советские писатели, видим, ощущаем самое сердечное, самое внимательное отношение партии к литературе. Указания партии, советы ее руководителей помогают нам лучше увидеть свое место в великой созидательной работе народа по строительству коммунизма. На встрече с деятелями литературы и искусства после III пленума Союза писателей СССР тов. Н. С. Хрущев называл писателей первыми, верными помощниками партии.

— Наш долг, — сказал в заключение А. Прокофьев, — новыми произведениями оправдать это большое доверие партии.

Все выступавшие единодушно одобрили постановление июньского Пленума ЦК КПСС. Я, рядовой член партии, — говорил И. Алмазкин, — от души, всем сердцем поддерживаю решение Центрального Комитета партии. Наглядная и вероломная группа фракционеров, путающаяся в ногах у народа, заслуживает всеобщего осуждения.

Горячо одобряя решения июньского Пленума ЦК КПСС, призывая крепить священные для единства партии, выступающие особо озабочены на задачах литературы.

Писатели должны еще внимательнее изучать жизнь, еще ярче показывать то новое, замечательное, что творит народ, — сказал Н. Григорьев.

Мы еще довольно слабо отображаем нашу советскую действительность, — отметил С. Воронин. — У нас еще мало романов, повестей, посвященных современности. К 40-летию Октябрьской революции читатели вправе ждать от нас новых значительных произведений.

О долге писателей перед народом

ЧЕХОСЛОВАКИЯ ГОТОВИТСЯ К ПРИЕМУ ДОРОГИХ ГОСТЕЙ
Пять месяцев назад жители Праги и весь чехословацкий народ радостно приветствовали своих руководителей, возвращавшихся из Советского Союза. Страны самых верных и надежных друзей. А сегодня Чехословакия готовится встретить дорогих гостей — партийно-правительственную делегацию Советского Союза. Об этом событии пишут газеты, говорят на собраниях рабочих и служащих, трамвайная улица, К приезде советских гостей пражане нарядили свой город на улицах и площадях вывесили советские и чехословацкие флаги.

Я видел, как слушавшие одного из магазинов на Вацлавской площади забавно ухмылялись и шутили: они обрели государственные границы Чехословацкой Республики лентами национальных цветов обоев государи, в на своем именовании привели таблицу с простой, трогательной надписью на русском языке: «Здравствуйте, родные!»

Дорогие товарищи, пусть вам у нас будет хорошо. Мы примем ее так, чтобы все видели, как мы любим советских людей, — всем нашим сердцем. Весь коллектив нашего завода придет сказать им, что мы, что весь наш народ с ними, чехословацкая женщина, работница, мать. Я верю Советскому Союзу потому, что знаю, как он защищает мир во всем мире, знаю, что он хочет добра всем трудящимся людям, всем детям во всем мире.

Дорогие товарищи, пусть вам у нас будет хорошо. Мы примем ее так, чтобы все видели, как мы любим советских людей, — всем нашим сердцем. Весь коллектив нашего завода придет сказать им, что мы, что весь наш народ с ними, чехословацкая женщина, работница, мать. Я верю Советскому Союзу потому, что знаю, как он защищает мир во всем мире, знаю, что он хочет добра всем трудящимся людям, всем детям во всем мире.

говорили Е. Серебровская, Н. Луговцов, Е. Катерин. Писатели-коммунисты Ленинграда, — говорится в резолюции, — клеймят позором группу беспринципных интриганов, оторвавшихся от жизни и интересов народа и пытавшихся путем антипартийных действий подорвать великие достижения партии, твердо и неуклонно идущей по ленинскому пути.

Ленинградские писатели-коммунисты заверяют славный ленинский Центральный Комитет в своей горячей преданности великому делу Коммунистической партии. Все свои творческие силы, весь огонь своих чувств, все свои способности ленинградские писатели посвящают партии, народу, коммунизму!

МИНСК Постановление Пленума ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М. широко обсуждается писателями Белоруссии. Группа писателей-коммунистов приняла участие в работе актива минской областной партийной организации, на котором с докладом о Пленуме ЦК КПСС выступил кандидат в члены Президиума ЦК КП Белоруссии тов. К. Т. Мазуров.

Председатель правления Союза писателей БССР Петрус Бровка в своем выступлении на собрании актива подчеркнул, что Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет по-отечески заботится об идейной чистоте и высоком художественном уровне советской литературы, требует от работников идеологического фронта партийной принципиальности, идейной непримиримости, тесной связи с народом.

Мы всем сердцем одобряем решение Пленума ЦК, осуждившего фракционеров и сделавшего необходимые организационные выводы по отношению к участникам антипартийной группы. Мы будем твердо отстаивать единство партии, еще теснее сплотиться вокруг Центрального Комитета. На следующий день писатели-коммунисты Белоруссии на своем собрании горячо поддержали постановление Пленума ЦК КПСС.

С горячей речью выступил на собрании Петрус Глеба. — Недавно, во время поездки в украинскими писателями по области Белоруссии, — сказал он, — мы еще раз воочию увидели великие достижения в жизни колхозов нашей республики. Это итог работы партии и народа после XX съезда. Разоблачив и единодушно осудив антипартийную группу, наш Центральный Комитет еще больше сплотился, а вокруг него с новой силой сплотились мы все, коммунисты и беспартийные.

Михаил Калачинский говорил о том, что постановление Пленума Центрального Комитета учит нас быть бдительными. Долг писателей — держать тесную связь с народом, чутко прислушиваться к указаниям партии, помогать партии, всем своим талантом и способностями бороться за интересы народа.

На собрании выступили также А. Ку-

шев, С. Майхрович, П. Ковалев, К. Киреевко, А. Рылько, М. Модель, Г. Коновалов, Р. Соболенко. Собрание писателей-коммунистов горячо одобрило постановление Пленума ЦК КПСС и призывало всех писателей еще крепче сплотиться вокруг партии и ее Центрального Комитета, активизировать свою творческую деятельность, чтобы встретить 40-летие Октября новыми высококачественными и высокохудожественными произведениями.

ЧЕЛЯБИНСК Постановление июньского Пленума ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова вызвало горячее одобрение работников литературы и искусства индустриального Челябинска. Собрание творческой интеллигенции с большим вниманием заслушало доклад секретаря областного комитета партии Ф. Шинкалова о решениях Пленума ЦК КПСС.

Гордость за свой народ, за Коммунистическую партию и ее Центральный Комитет, сумевший разоблачить и обезвредить антипартийную группу, и чувство недовольства и раскаяния и фракционерам были проникнуты выступления творческих работников.

Возволающей была речь заслуженного артиста республики П. Кулепова. — Надо быть слепыми, чтобы не видеть, как неузнаваемо изменилась наша страна, какие радостные перемены произошли в жизни каждого края, каждого города, каждой семьи. Простые люди знают, что своим счастьем они обязаны партии, идущей по ленинскому пути.

С негодованием говорили участники собрания о попытках фракционеров препятствовать ослаблению международной напряженности и борьбе за мир. — Все лучше, что достигнуто нами за последние годы, — заявила в своем выступлении писательница Л. Тягунчикова, — встречало сопротивление со стороны участников антипартийной группы. А между тем никогда еще не строилось так много домов в городах и селах, как строится сейчас. Работящие руки пользаемых кранов возмущаются над каждым кварталом. Запах смолотых бревен, уложенных в срубы, плывет над деревьями. В степях, где седой волной шумел ковыль, возникли поселки, колышущаяся наливающаяся нивы. Ясным солнцем озаряет новую степь живое золото целинного хлеба. Еще никогда не была наша партия так монолитна, как сейчас. Ее генеральная линия проходит через миллионы и миллионы сердец.

В своем единодушно принятом постановлении собрание творческой интеллигенции Челябинска горячо одобрило решение июньского Пленума ЦК КПСС, как единственно правильное, и завершило речью Коммунистическую партию, что работники литературы и искусства отдадут все силы и жар своих сердец великому делу строительства коммунизма.

Мне приятно в вашем лице приветствовать всех передовых борцов за технический прогресс, смелых новаторов производства, умножающих трудовую славу Ленинграда...

Как и весь советский народ, ленинградцы полны заботы о будущем своей Родины, о приумножении успехов социалистической промышленности и сельского хозяйства, об укреплении дела мира во всем мире. Вот почему на всех заводских митингах так решительно, безоговорочно одобрялись решения Пленума ЦК КПСС, разоб-

ДЕМОНСТРАЦИЯ СПЛОЧЕННОСТИ И ЕДИНСТВА

ЯРКИМ солнечным утром шестого июля Ленинград, сверкающий праздничным убранством, встречал дорогих гостей — членов Президиума ЦК КПСС, приехавших для вручения орденов и медалей ленинградцам, награжденным в связи с 250-летием города. Вдоль всего Невского проспекта протянулась бесконечная живая человеческая лента, теряющаяся в дымке где-то далеко за Садовой, за Литейными.

Показалась машина. В ней стоял первый секретарь Центрального Комитета Н. С. Хрущев и член Президиума ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Ф. Р. Козлов. Раздаются аплодисменты, возгласы, приветствия. Машины следуют одна за другой. Собранный тепло приветствуют Н. А. Булгакина, К. Е. Воршилова, О. В. Кукушнина, Е. А. Фурцеву, Н. М. Шверника.

Такая же теплая встреча ожидала дорогих гостей на заводах и фабриках Ленинграда. Сердечно приветствовали Н. С. Хрущева трудящиеся завода «Электросила». В числе встречающих были и главные заводские «именинники»: токарь-карусельщик Н. И. Першин и заместитель главного конструктора А. С. Еремеев. У обоих на груди — ордена Ленина и золотая звезда Героя Социалистического Труда. С поздравлений, адресованных лично им, начал Н. С. Хрущев свою речь на обще-заводском митинге.

Могучим арсеналом индустриализации страны назвал Н. С. Хрущев Ленинград. Передавая от имени партии и правительства привет электросиловцам, он говорил: — Мне приятно в вашем лице приветствовать всех передовых борцов за технический прогресс, смелых новаторов производства, умножающих трудовую славу Ленинграда...

Об этой трудовой славе города, о тысячах и тысячах ленинградцев, создающих новые мощные станки, точильные приборы, умные электронные машины, прежде всего и шла речь на Кировском и Металлическом заводах, на Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина, на других предприятиях, где состоялся митинг в связи с вручением правительственных наград.

Как и весь советский народ, ленинградцы полны заботы о будущем своей Родины, о приумножении успехов социалистической промышленности и сельского хозяйства, об укреплении дела мира во всем мире. Вот почему на всех заводских митингах так решительно, безоговорочно одобрялись решения Пленума ЦК КПСС, разоб-

лачившего антипартийную группу, решительно отстаивающего единство рядов Коммунистической партии. Вот почему так внимательно слушали текстильщики фабрики «Рабочий» слова Е. А. Фурцевой о действиях группы фракционеров: — Они омрачили и ваш праздник 250-летия славного города Ленинграда. Как раз в то время, когда руководители партии и правительства собирались приехать к вам, они выступили со своими коварными замыслами.

Вот почему с таким душевным волнением говорил с трибуны митинга ленинец севского машиностроительного завода имени В. И. Ленина В. Тулин: — Ленинградцы свято хранят революционные традиции своих отцов. Это с большой силой проявляется сейчас, когда мы единодушно с гневом осуждаем действия антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова. Мы еще раз клятвенно повторяем: ленинградцы всегда были и будут с родной Коммунистической партией. Партия может на нас положиться!

И на демонстрации, состоявшейся на другой день, ленинградцы несли транспаранты со словами: «Да здравствует ленинский Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза!» «Одобряем решение июньского Пленума ЦК КПСС!»

Это была демонстрация единства и сплоченности трудящихся города вокруг Коммунистической партии и ленинского Центрального Комитета. Это была демонстрация советских людей, стремящихся к миру и дружбе между всеми народами земли.

На демонстрации был такой характерный эпизод. В шумном людском потоке, катившемся мимо трибуны, показались группа китайских юношей и девушек, очевидно студентов. Их было человек двадцать-тридцать. Они шли все ближе к трибунам, и как раз в это время над площадью разнеслись слова: — Да здравствует нерушимая дружба советского и китайского народов!

Не знаем, заметил ли кто-нибудь из стоявших на трибуне смуглые лица

мунизм, никогда не простят нам, если мы будем равнодушно взирать на то, как люди, которым не дороги наши идеалы, яростно атакуют святая святых советской литературы — ее идейные позиции, ее революционную сущность, самую основу ее существования! — быть первым и до конца верным помощником партии.

Мы знаем, какая участь постигает отщепенцев, барски-пренебрежительно относящихся к радости, и к горю народному. Июньский Пленум ЦК КПСС был в этом отношении в высшей степени показательным. Антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова и карьериста-двурушника Шепилова продемонстрировала свое полное пренебрежение к жизненным интересам народных масс, свою трусовость, свое неверие в огромные возможности, заложенные в социалистическом хозяйстве. И вполне естественно, что партия дала решительный бой этой группе и полностью разгромила ее, обеспечив себе и народу возможность двигаться вперед, к заветной нашей цели ускоренной поступи.

Да, нас, советских писателей, деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ней Шепилова представляла особую опасность. Анализирова события последних двух лет, невольно приходишь к выводу, что была определенная связь их фракционной деятельности с ревизионизмом и нигилизмом, на какое-то время захватившим и некоторых литераторов. Так родились «идейки» выводов нашей литературы из-под влияния партии. Но эти жалкие «идейки» получили единодушный и весьма энергичный отпор на III пленуме правления Союза советских писателей. На этом пленуме присутствовал Шепилов, но он промолчал, хотя до этого очень охотно произносил длинные речи. Теперь-то ясно, почему он молчал: писательский

китайских друзей или их появление и этот приветственный возглас совпали случайно, но с трибуны загремели аплодисменты, тотчас же подхваченные внизу, на площади. Умноженные, удвоенные, они разрастались все шире, и вскоре зашумела вся площадь. День выдался отличный. В лучах жаркого солнца багровел над морем человеческих голов бархат заводских знамен, развевались многоцветные полотнища праздничных флагов. Летели ввысь то в одиночку, то целыми гроздьями разноцветные воздушные шары.

В праздничных колоннах шли и представители самой молодой в Ленинграде организации — Совета народного хозяйства, возглавляемого одним из крупнейших в стране экономических районов, который выпускает 6 процентов промышленной продукции, производимой в Советском Союзе.

...Но вот с Невы донесся гул выстрела. Ударил пушка Петропавловской крепости. Тысячи людей привычным движением поднесли к глазам часы: — Полдень! Новые колонны вступают на площадь с Невского и Адмиралтейского проспектов, с Дворцового моста, с набережной Невы. Перед центральной трибуной люди невольно замедляют шаг. Каждому хочется увидеть, сердечнее приветствовать руководителей партии и правительства, высказать им свою горячую благодарность за высокую оценку труда ленинградцев.

Семьсот тысяч человек прошли в этот день по Дворцовой площади в радостном, торжественном шествии. И радость ленинградцев была особенно светлой потому, что ее разделяли с ними руководители партии и правительства.

А. ВАСИЛЬЕВ, А. ПОЛОВИНОВ
На снимках сверху — Ленинград. Демонстрация трудящихся на Дворцовой площади 7 июля 1957 г.; внизу — товарищ Н. С. Хрущев беседует с электросиловцами завода «Электросила» тов. И. И. Ильичевым. Фото В. Дроздова и А. Михайлова

Взращенная партией

Орлица, обучающая орленка своему высокому и стремительному полету... Мх. АЛЕРСЕЕВ

Образ этот, однажды уже использованный большим нашим художником, невольно встает перед тобой, когда думаешь о советской литературе, взращенной партией и партией же направленной в высокое и гордый полет.

Дмитрий Фурманов и Александр Фадеев, Михаил Шолохов и Николай Островский, Леонид Леонов и Константин Федин, Федор Гладков и Валентин Катаев, Николай Тихонов и Эдуард Багрицкий — эти и многие другие партийные и беспартийные литераторы обрели звонкий голос и крылья, опираясь о могучее плечо Коммунистической партии, самой смелой и самой справедливой партии на земле. А сколько старых писателей испытали второе свое рождение, вторую свою молодость, решительно порвав с одряхлевшим классом эксплуататоров и связав свою судьбу с пролетариатом и его партией.

Разве не прелестна в этом отношении творческая биография А. Н. Толстого? Полного расцвета его дарование достигло лишь в советское время, после того, как А. Толстой вернулся из эмиграции и объединил свои усилия с усилиями Коммунистической партии, поведшей народные массы по трудному, но единственно правильному пути. А те, кто предавал анафеме А. Толстого за этот его мушкетерный акт, начали медленно, но верно угасать, отравляемые ядовитыми газами эмигрантского болота.

Какое бы крупное писательское имя мы ни взяли, обязательно обнаружим, что оно тесно связано с великим делом партии. Только люди, либо безнадёжно створвавшиеся от действительности, либо заведомо недобросовестные, могут не замечать и не видеть этого знаменательного обстоятельства.

...Интеллигент, мечущийся в поисках правды и жизненной опоры, — таким предстает перед нами Дмитрий Фурманов в своих дневниках в начале первой мировой войны. Кто бы мог подумать в ту пору, что пройдет несколько лет, и этот хрупкий юноша станет комиссаром легендарной Чапаевской дивизии, несгибаемым большевиком, а позднее — автором всемирно известного «Чапаева». И все это потому, что связал он свою судьбу с прекрасной судьбой партии.

Семнадцатилетний дальневосточный партизан Александр Фадеев вступает в партию и, воспитанный ею, становится

известного тогда юноши уже видели выазя могучего таланта. Но вряд ли и эти проницательные люди могли предположить, что из-под пера юноши-самоучки явится картина, которая отныне и навеки будет потрясать людские сердца. Михаил Шолохов — коммунист. Но и до того, как стать членом партии, и после того, как он стал им, писатель отлично понимал, что ей, партии, он обязан тем, что стал национальной гордостью своей страны. Ему принадлежат слова:

«Мы с гордостью можем сказать, что являемся первыми ростками взращенной партией советской интеллигенции. За нами последуют десятки миллионов приобщившихся к культуре людей».

Волна за волной входила в большую советскую литературу новые писатели. И партия бережно и заботливо поддерживала их первые, еще робкие шаги, вовремя предупреждала от ошибок и, когда это нужно, сурово критиковала, всегда стараясь направить их творческую энергию на служение своему народу, выполняющему титаническую работу по созданию нового общества, имя которому — коммунизм. Только писатели, безразличные к судьбам своего народа, оторвавшиеся от него, самолюбивые, не могут понять всей благотворности партийного руководства литературой. Что им партия, судьбы народные, ежели они уже давно не знают, какое «тысячелетие на дворе»? Заживо погребенные в «башне из слоновой кости», они тоскуют о розовом Петере, прихорашивают в безумный восторг от абстрактной живописи и при всем этом предпочитают видеть на своем обеденном столе вполне реальный хлеб, уютный трудовыми руками народа, до которого им, избранныкам «чистых» муз, конечно же, нет никакого дела. Это о них, воступивших снобах и эстетов, писал недавно молодой поэт:

Каково же смотреть нам? Если люди, не несшие наших потерь. Если люди, не знавшие нашей беды. Если люди, не евшие нашей еды. Надевая сейчас дорогое пальто. Говорит, улыбаясь, ехидно: «Не то...» Слишком резко, мол, делим На «друп» и на «врат». Ужолобо мечтаем и любим не так. Мол, и песни у нас, словно стертый паток...

Мне отец, что под Орлей в атаке убил. Если я промолчу, — никогда не простит! Да, отдавшие жизнь за Родину, за ком-

мунизм, никогда не простят нам, если мы будем равнодушно взирать на то, как люди, которым не дороги наши идеалы, яростно атакуют святая святых советской литературы — ее идейные позиции, ее революционную сущность, самую основу ее существования! — быть первым и до конца верным помощником партии.

Мы знаем, какая участь постигает отщепенцев, барски-пренебрежительно относящихся к радости, и к горю народному. Июньский Пленум ЦК КПСС был в этом отношении в высшей степени показательным. Антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова и карьериста-двурушника Шепилова продемонстрировала свое полное пренебрежение к жизненным интересам народных масс, свою трусовость, свое неверие в огромные возможности, заложенные в социалистическом хозяйстве. И вполне естественно, что партия дала решительный бой этой группе и полностью разгромила ее, обеспечив себе и народу возможность двигаться вперед, к заветной нашей цели ускоренной поступи.

ПОДВИГ НАРОДА

Может ли увлечь читателя описание процесса варки стали? Это не риторический вопрос. На взгляд группы эстетствующих литераторов и критиков, выдумавших для книг о людях труда высокомерно-производственную кличку «производственный роман», такие книги вообще не имеют права на существование. Самые терпеливые «производственные романы», «сколхозный роман» были выпущены в обращение как будто нарочно для того, чтобы показать «второсортный» произведений о людях труда. Можно было подумать, что в книгах, отмеченных этим прозвищем, описываются не чувства людей, а лишь трудовые процессы. Однако любители подобной терминологии должны были бы вспомнить, что в любом произведении мировой литературы действующие лица тесно связаны с окружающей средой и именно эта связь (для нашего общества — связь трудового) определяет их место в мире.

В счастье, их очень немного, этих повзрослевших мешан, возмужавших себя «высокословными» интеллигентами, которым необходима особая духовная пища — «критический реализм» и, по возможности, без поправки на социальные силы общества. Они предпочитают третью часть романа В. Каверина «Открытая книга» (альманах «Литературная Москва», № 2), в которой победил отрицательский персонаж отцами почти все страны, а положительному решению сюжета — шесть строк, или, на худой конец, скандальные анекдоты из повести А. Вышневой «Квартира № 13» (журнал «Москва», № 1).

Как в нашей стране появляется презрительное отношение к людям труда, к трудовому процессу, к самому понятию «созидание»? Мне думается, что презрение это возникает в той ничтожной прослойке людей, для которых слово «труд» является пугалом. К сожалению, их «идеи» тоже находят последователей: стоит лишь починить студенческие многотиражки накануне распределения выпускников. На какие условия ни поукосают некоторые выпускники, лишь бы избежать участия в строительстве страны!

Роман Владимира Попова «Закипела сталь» они могут не отыгрывать. Он написан для других, для тех, кто понимает, что главным в жизни человека и формировании его сознания является созидательный труд.

Большая часть романа посвящена именно тому, как трудно создать новую марку стали, которая сделала бы неуязвимыми наши танки, сберегла жизнь тысяч бойцов, защищающих Родину. Это задача директора завода Ротова, парторга ЦК Гаевского, это мечта сталевара Шаталова, мастера Пермякова... И надо сказать, что именно эти страсти стали самыми сильными в романе.

Владимир Попов. «Закипела сталь». Роман, «Советский писатель», 454 стр.

НАГРАЖДЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АССР

В ознаменование 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России и отмечая заслуги трудящихся республики в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, Президиум Верховного Совета СССР награждает орденами и медалями группу переводчиков промышленности, сельского хозяйства, работников науки и культуры, работников партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других организаций Кабардино-Балкарской АССР. Всего награждено 410 человек.

Среди отмеченных правительственными наградами — группа писателей. Орденом Ленина награжден народный «кабардинский поэт» Амирхан Хаслаев, орденом Трудового Красного Знамени — Алим Кашоков, Михаил Киреев, Кайсын Кулына, Хамит Теуков, Саид Шахмураев, Адам Шогенкулов, орденом «Знак Почета» — Залихан Аксиров, Бадр Гургуев, Аскерби Шартанов, Амирхан Шомахов, Магомед Шагапсов.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В № 7 «Литературной газеты» была опубликована статья Н. Мауцева «1695 «бы»...», в которой отмечались ряд весьма значительных недостатков подготовленного коллективом ученых Института языкознания Академии наук СССР первого тома «Словаря языка Пушкина».

Статья Н. Мауцева была обсуждена на заседании ученого совета Института языкознания Академии наук СССР. В постановлении, принятом ученым советом и посланном в редакцию «Литературной газеты», говорится:

«Ученый совет отмечает, что статья Н. Мауцева не содержит разбора основного материала словаря... В рецензии затрагиваются лишь некоторые второстепенные для словаря вопросы (вопрос о целесообразности включения иностранных слов в нерусское написание, словоупотребление, географических названий и собственных имен), а также справочная, техническая сторона словаря. Таким образом, статья Н. Мауцева дает одностороннее и неверное представление о словаре, его характере и назначении».

В постановлении отмечается, что различие в составе словаря языка Пушкина и академического словаря современного русского языка, на которое указывает Н. Мауцев, «определяется не высшими редакторами, а характером словарей и различием в самом словарном составе языка различных исторических эпох, отраженных этими словарями. Требование Н. Мауцева исключить из словаря языка Пушкина предлоги, союзы, междометия, частицы показывает, что автор не представляет себе их смысловую, грамматическую и стилистическую роли в языке и обнаруживает свою лингвистическую неподготовленность, которая, кстати, особенно ярко сказалась в том, что автор нашел в словаре якобы зарегистрированные в нем приставки, к числу которых он относит и условную частьцу «бы».

Упрек, сделанный Н. Мауцевым составителям словаря в «формальном подходе при отборе слов», решительно отвергается, как резко противоречащий задаче данного словаря».

Автор романа сам много лет работал инженером. Ему, как говорится, и книги в руки. Но вот что любопытно: первоначальное знание материала обычно приносят в литературу некоторую изощренную «техничность». Здесь она тоже найдена. Но так как эта «техничность» работает или на героя, или против него, то читатель даже не замечает, что, в сущности, забрался в самую глубину науки о варке стали.

Читая этот роман, я не стремился составить сводку удач и неудач автора. Могу только сказать, что не припомню другой книги о военном подвиге советского народа, — а сознательно объединяю в этом понятии и подвиг фронта, и подвиг тыла, — в которой были бы даны так отчетливо выписанные образы командиров производств: имея в виду образ директора Ротова и парторга ЦК Гаевского. Причем образ Гаевского, представляющего собой душу советского народа — партию, стал главным в книге, тогда как в первом томе диалог «Сталь и шлак» это место по праву занимал инженер Крайнев.

Почему же главным героем стал парторг? Мне думается, что иначе нельзя было бы описать колоссальный подвиг народа. Каждый из героев совершает нечто значительное, пусть это будет, как у сталевара Бурого, перестройка характера, или, как у жены инженера Малгарова, стремление самой стать в станку, чтобы помочь личным трудом борющемуся народу, или, наконец, как у Ольги Пермяковой, — разрыв с любимым человеком, который оказался трусом и словачил, чтобы не идти в армию. И все эти глубоко личные примеры патристичности мы как бы проверяем по мезиру коммуниста Гаевского, хотя во многих случаях он сам не воздевает на те или иные перемены в окружающих его людях. Он только одобрял бы их, и этого уже достаточно.

Но едва дело касается главного — коллективного подвига тружеников завода — Гаевый становится организатором и вдохновителем, собирает всех сил. Устраняя несправедливости или просто недочеты, он проявляет высокое мужество и настоящую принципиальность. Особенно сильно это качество коммуниста показано в борьбе Гаевского с директором завода Ротовым за чистоту и самозащитность, которых так недостает этому человеку.

Вторая, четвертая и большая половина последней — шестой — части книги посвящены партизанскому движению на родине южан, эвакуировавшихся в начале войны на уральский завод. И по количеству страниц, и по значению их для книги главы о партизанах, хотя они написаны очень занимательно и темпераментно, все же представляют меньший интерес. Так сказалась сюжетная и пространственная разобщенность героев произведения. Инженер Крайнев, один из руководителей подполья, вывезенный из немецкого тыла и вернувшийся в своем дружке на уральский завод, не может дать той необходимой связи, которая объединила бы сюжетные усилия двух отделенных громадным расстоянием групп героев. Тут видно некоторый просчет автора. Если мы вспомним труды мастеров многопланового романа, то увидим, что в любом таком романе подобная связь осуществляется и перерывы действительных лиц в разные условия, и силой лирического воспоминания или того, что мы ныне называем лирическим отступлением. Эти компоненты многопланового произведения Владимир Попов использовал в очень малой степени.

Должен признаться, что этот упрек первым бросил не я. Роман «За-

кипела сталь», в первоначальном варианте опубликованный журналом «Смена» в четвёртых номерах 1955 года, тогда же был оценен по достоинству на страницах «Литературной газеты» в статье Ивана Уксусова (20 августа 1955 года). Мне хотелось лишь рассмотреть, чем отличается новый — книжный вариант от журнального, как осмыслили автор критические замечания в своей адрес.

Должен сказать, что автор сделал многое, чтобы улучшить роман. Появились новые главы, более полно характеризующие Гаевского. Весьма показательно 10-я глава в первой части книги, которой не было в журнальном варианте. Гаевый, получив из посольства хозяйства завода письмо о том, что там не хватает газет, решает рассмотреть это хозяйство. Результат оказывается весьма ошеломительным. Люди, жаждущие газет в отсутствие газет, все остальные тяготы относили за счет военного времени, что было на руку самонаблюдателям и бюрократам. Еще более примечательно и, кстати, точно подмечено в жизни, как Гаевый заставляет начальника снабжения обещать в рабочих столовых и зайти на время о своей «литературе» и зарплате. Результат получается весьма ошеломительный для рабочих, снабженцы которых были задушены.

Это, так сказать, «оживление» оказывает любопытное действие на образ парторга, — он становится проще, ближе к действительности, реальнее.

Говоря о романе «Закипела сталь» в отдельной книге, автор шел наиболее правильными, как мне кажется, путем, развивая характеристики, поступки и действия героев произведения. Простое сличение текста показывает, как тщательно отработал автор каждую страницу книги. Вот журнальный текст: «Наивысшим гостем Василий не был и обычно, отсюда часок-полтора, торопился уйти домой. Но сегодня он засиделся дольше». В книге этот абзац выглядит иначе: «Наивысшим гостем Василий не был и обычно, отсюда часок-полтора, торопился домой. А сегодня он засиделся дольше обычного. Разыгралась непогода, вой ветра усиливался с каждым порывом, и трудно было заставить себя покинуть теплую комнату, окутанную в снежную бурю».

Что привлекает в этом абзаце? Стремление найти полную и точную доказательность поступка, сделать поступок достоверным. И сознательно взял самый рядовой абзац из романа. Еще убедительнее выглядит эта авторская работа в диалогах.

Любопытно, что автор восстановил историческую справедливость, описав зарожение коллективного опыта творчества на металлургическом заводе. После войны это начинание — изучение лучших рабочих приемов у лучших работников и создание целой системы таких приемов, которая затем осваивается всеми работниками, — было забыто. Значительно позже инженер Ковалев применил часть такой системы обучения в легкой промышленности. Только теперь на некоторых заводах группы рабочих-энтузиастов вновь возрождают передачу коллективного трудового опыта от всех одному и от одного всем. Владимир Попов очень хорошо показал в своем романе, как коллектив сталеваров добился великой победы, применив коллективное опытничество для овладения всеми «секретами» мастерства.

Русская литература всегда была учителем жизни, а советская — тем более. Книга Владимира Попова, рассказывающая о великом подвиге советского народа в дни войны, привлекает прежде всего тем, что показывает труд как творческий процесс, учит уважать рабочего человека, инженера, творца. Я не сомневаюсь, что она будет встречена читателем с тем же вниманием, как и первая часть диалог.

ЯНКА КУПАЛА

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

«Он — поэт совершенно народный... весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан». Это слова Добролюбова о великом украинском kobzare — Тересе Шевченко.

Характеристика эта полностью приложима к Янке Купале, замечательному поэту белорусского народа, Шевченко белорусских, как его называли еще в дореволюционные годы. Поистине знаменательно и трогательно то, что для Купалы любимыми поэтами были Некрасов и Шевченко — их произведения с особой любовью переводились на белорусский язык. Поистине знаменательно, что узы дружбы связывали Купалу с другим гигантом поэзии — великим поэтом латышского народа Янисом Райнсом. Как и все творчество Некрасова, Шевченко, Райнса, стихия глубокой, органической народности пронизывала поэзию Купалы — от его первого стихотворения «Мужик» до произведений последних лет жизни. Образность, стиль, певучая мелодическая интонация стихов и поэм Купалы — все это шло от богатейшего фольклорного наследия белорусов, влияние которого так сильно сказалось на белорусской поэзии и до Купалы. Но Купала не повторил фольклора, не повторил достигнутого поэтами своего народа, он творчески переработал достигнутое в своем художественном создании самого высокого, истинно классического уровня. Творчество Купалы и Коласа — переломная веха в развитии белорусской литературы.

Купала был не просто поэт, близкий к народу и народной поэзии: он был великим певцом народной борьбы, народного счастья, завоеванного в этой борьбе, трибуном, взвешивавшим себе буревестника социалистической революции — Горького. Известно,

как заботливо поддерживал Горький Купалу, как восхищался он его поэзией, его гневными песнями.

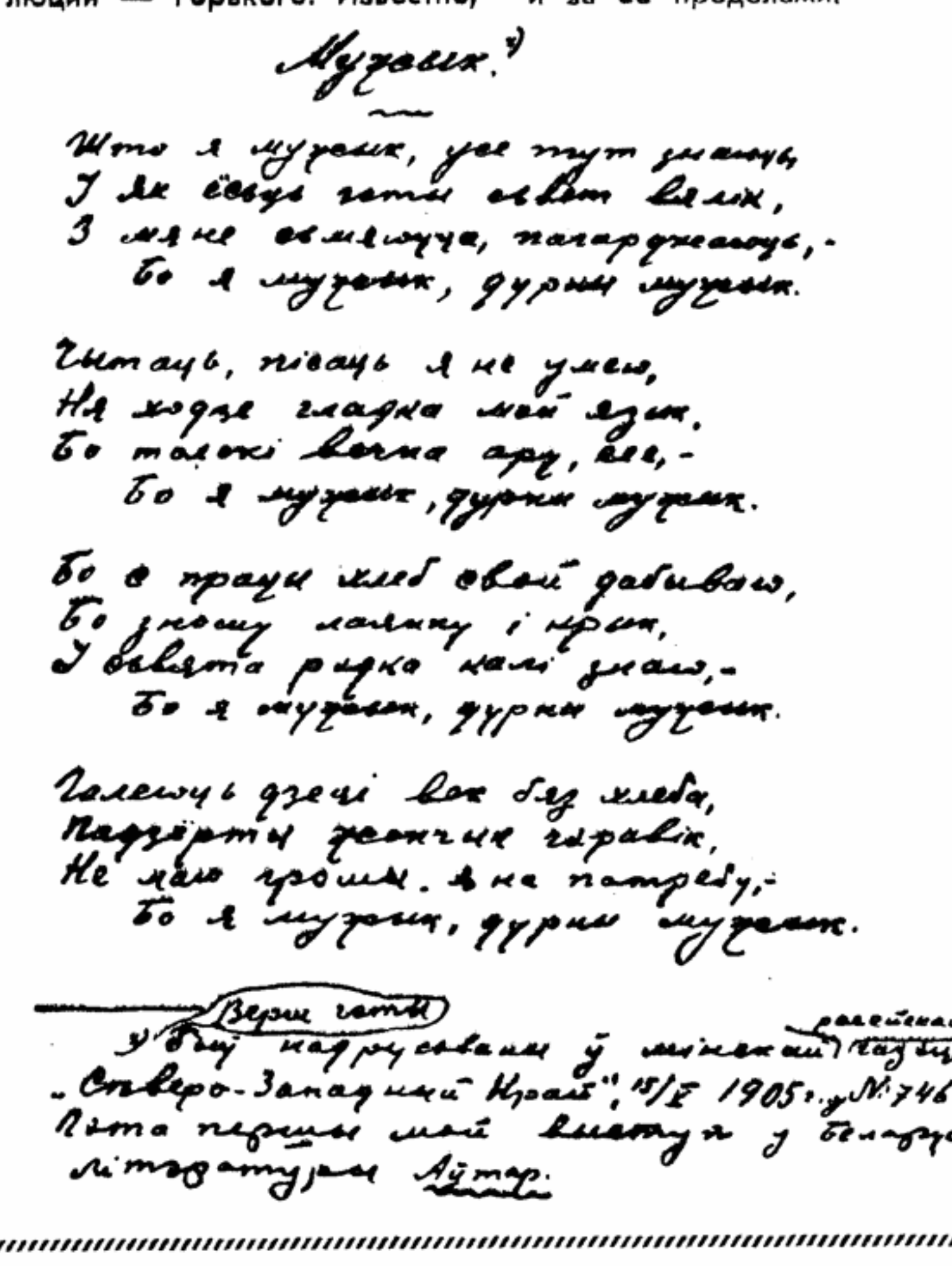
«Читая произведения Купалы и Коласа — двух классиков не только белорусской, но и всей советской литературы, — вы как бы проследите за всеми этапами народной, крутые переломы его истории. Дореволюционный этап... Первый сборник Купалы, вышедший в 1908 году в Петербурге, назывался «Жалейка» — это были песни о нищей, трудной доле белорусского крестьянина (его доле Купала хорше знал, он сам долго крестьянствовал, работал чернорабочим), это были песни о зрящем чувстве протеста, о жажде правды и справедливости. Недаром реакционным кругам «Жалейка» показала «в высшей степени опасной книгой».

Второй период — это годы боевых призывов песен Купалы. В 1929 году появляется его стихотворение «Уходящее деревенное». Поэт ругает за новую, колхозную деревню, он пишет об этом в стихотворениях, ставших хрестоматийными, — «Лен», «Песня трактористки», «Я — колхозница». В 1933 году он создает замечательную поэму «Над рекой Орессой», поэму о новом Полесье, о том, «как в глухие дубы шел социализм».

Во время Великой Отечественной войны в белорусских пущах с огромной силой звучали стихи Купалы, призывавшие к месту фашистам.

«Янка Купала был чрезвычайно разносторонним литератором, его перу принадлежат и тонкие лирические песни, и патетические стихи о дружбе народов, о Советской Армии, о партии, и большие художественно совершенные поэмы. Зрители до сих пор рукоплещут в театрах его «Павлинка», а маленькие читатели до сих пор читают «Алесья» и «Мальчином и летчиком».

Классик советской литературы, Янка Купала широко известен и любим в нашей стране и за ее пределами.

ПРЯМОЙ РАЗГОВОР

В отделе критики журнала «Звезда» (№ 6 за 1957 г.) мы с интересом прочли статью Елены Сербетской «Против нигилизма и всеядности». Это — убедительный, ясный по мысли и позиции автора, выиспытанный разбор некоторых характерных черт сборника «Литературная Москва».

С чувством тревоги пишет автор о недостатке ответственности у редакторов сборника, о ее ложных принципах, о том, как всеядность привела к ошибкам — к опубликованию материалов, которые способствуют распространению нигилистических взглядов, затеянных ясные истины.

«Обходится деликатным молчанием эти ошибки, — справедливо замечает Е. Сербетская, — значит проявить беспринципность, безразличие к интересам народа, к воспитанию молодежи. Только глубокие равнодушие к добру и злу, к будущему своей страны позволяют человеку не замечать недоброкачественной духовной пищи, предлагаемой читателю в колоссальном семидесяти пяти тысяч экземпляров книг».

Рассматривая «Заметки писателя» А. Крона как некую декларацию, излагающую ошибочное понимание задач редактора, Е. Сербетская приходит к выводу, что редакция «Литературной Москвы» практически показала, что она разделяет некоторые установки критиков статьи. Это видно по отбору произведений, по упорно повторяющимся в многих статьях мотивам и обобщениям, по тому, что и в романе В. Каверина «Понски и надежды» звучат неверные ноты. Это видно и по тому, что редакция напечатала несомненный идеологический брак — ложный по идее рассказ А. Яшина «Рыбак», которому не должно было быть места под одной обложкой с рассказом А. Фалеева — писателя глубоко партийного, глубоко принципиального.

В статье Е. Сербетской привлекают прямота, принципиальность автора, желание назвать вещи своими именами, исходя прежде всего из интересов нашей литературы. В этом отношении особенно поучительна ее критика статьи И. Эренбурга «Поэзия Марини Цветаевой».

Е. Сербетская очень точно видит в судьбе оларенной поэтессы М. Цветаевой «яркий образец жесточайшей трагедии таланта, отравившегося от своего народа и его интересов». В этом — ключ к оценке творчества поэтессы. Но И. Эренбург в своей статье, по существу, обходит это главное, не дает ясного ответа на вопрос: что отвергла поэтесса — старое или новое, с чем была она не в ладу? Между тем известно, что М. Цветаева не пошла и не приняла революции, писала злобные и горькие стихи о Москве, о Кремле. Как же умолчать о важном и заявлять при этом, что она «жила чисто и благородно»?

Споря с И. Эренбургом, отвергая его ложные, ошибочные обобщения, Е. Сербетская в своей небольшой статье дает довольно верное представление о поэтической судьбе и облике М. Цветаевой, как творчество отравлено влиянием буржуазных, космополитических идей, ядом пессимизма и отчаяния. Рекомендация стихи М. Цветаевой людям, никогда не читавшим ее произведения, И. Эренбургу следовало правдиво рассказать о творчестве поэтессы, а не писать о ней в захлеб, лакируя и приукрашивая ее жизнь.

Интересно отметить и то, что в «Литературной газете» опубликована статья Н. Мауцева «1695 «бы»...», в которой отмечались ряд весьма значительных недостатков подготовленного коллективом ученых Института языкознания Академии наук СССР первого тома «Словаря языка Пушкина».

Нельзя не согласиться с этим утверждением автора, как и с ее заключительной оценкой сборника «Литературная Москва»: «Ложные принципы дали свои результаты».

«1695 «БЫ»...»

Еще о «Словаре языка Пушкина»

Зван «служить пособием для углубленного изучения истории русского литературного языка XIX в. и вместе с тем пособием для изучения словесно-художественного творчества Пушкина, нашего великого национального поэта».

Как известно, «Литературная газета» является специальным лингвистическим органом, но, считая своей аудиторией самые широкие круги советской интеллигенции, тем самым некоторые отношения и «читателям и почитателям творчества Пушкина» все-таки имеет. Редакция полагала, что для составителей словаря, имеющего столь широкий и вместе с тем конкретный адрес, мнение об их работе одного из «читателей и почитателей» Пушкина, известного советского библиографа Н. Мауцева имело бы определенный интерес, хотя бы по одному тому, что это было мнение одного из тех людей, на кого и рассчитан словарь.

Однако, как видим, ученый совет полагает, что Н. Мауцев совершенно неправ, а словарь совершенно безупречен.

Когда ученые-языковеды в один голос утверждают, что им нужен именно такой словарь языка писателя, нам трудно с ними спорить. Нам остается лишь сказать, что если словарь имеет специальное лингвистическое назначение, он мог быть издан и тиражом меньшим и не следовало его широко рекламировать, как общедоступный справочник.

Однако так ли уж единодушны в оценке словаря наши языковеды, как это представлено в письме ученого совета Института языкознания? Приведем мнение специалистов — участников заседания ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР. Некоторые участники ленинградского обсуждения тоже говорили, что им, людям, специально занимающимся лингвистикой, трудно работать со словарем, что в ряде случаев им, по-видимому, придется обращаться за консультацией непосредственно к составителям словаря. — Я сам десяток лет с утра до вечера, — сказал, например, А. Бабин, — тем и занимаюсь, что читаю и изучаю словарь, но это издание для меня трудно по структуре.

В Ленинграде все без исключения выступавшие высоко оценили как сам факт выхода словаря, так и большой труд его составителей, но это не помешало им увидеть и серьезные недостатки издания. В этой связи участники ленинградского обсуждения, не соглашаясь

КУДА ДЕВАЛСЯ РАССКАЗ?

Наш журнал охотно печатает статьи и рецензии о рассказах советских писателей. Вот и в шестой книге «Октябрь», вышедшей с большим опозданием, опубликована статья Ю. Суворьева «Откуда берется схема...», в которой рассматриваются многие рассказы последних лет. «К части наших рассказчиков, — справедливо замечает Ю. Суворьев, — можно сказать, что они первыми начали в прозе недавнего времени решительно обращаться к наиболее важным вопросам жизни, первыми стали осваивать литературу от цепких «цветов» бесконфликтной бессодержательности... Много поработали наши новеллисты над созданием образа положительного героя-современника».

Такое положение не может не порадовать читателя. У него естественно возникает желание скорее раскрыть свежий журнал и погрузиться в чтение новых рассказов.

Но возмает читатель тот же журнал «Октябрь» и в шести номерах его найдёт всего лишь три рассказа. Не густо — не правда ли? Заключается ли в этом какой-нибудь другой популярный журнал. Ну, хотя бы «Новый мир». От других своих собратьев он отличается и внушительным объемом, и солидным тиражом. Уж где-где, а в «Новом мире» нетрудно найти место для рассказов.

Какую же будет удаленность читателя, когда, перелистав одну за другой все шесть книг «Нового мира» за текущий год, он вообще не найдет в них ни одного рассказа (если не считать китайских зарисовок С. Залыгина).

Куда же девался рассказ со страниц этих журналов? Неужто писатели предли забвенно столь важным и интересным жанр?

Но нет, последние предположения нашего опрашиваемого тем, что в других журналах за этот год опубликовано десятки рассказов. Да и сам главный редактор «Нового мира» К. Симонов недавно опубликовал свой рассказ в журнале «Москва».

Чем же все-таки объяснить исчезновение рассказов со страниц «Нового мира» и «Октябрь»?

В заключение хочется сказать, что словарь, который обещан в предисловии нынешнего издания, словарь, действительно рассчитанный на читателя и почитателя великого поэта, очень нужен. Такой словарь должен быть максимально полным и содержательным. Главная его задача — отразить своеобразие языка Пушкина, художника и мыслителя.

ДЕСЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ

В КАРЛОВЫХ ВАРХАХ стоит жара. Но просмотрев залы переполнены зрителями — здесь начался X Международный кинофестиваль.

В течение 16 дней будет проходить соревнование фильмов 43 государств, чьи флаги сливаются в пестрый и радостно светлый каскад под лучами яркого июньского солнца. 43 государства — рекордная цифра: еще ни один фестиваль не собрал столько участников. И если фильмы Советского Союза, Индии, Франции, Италии, Японии, стран социалистического лагеря — традиционные гости Карловых Вар, то кинопроекторы Бирмы, Перу, Парагвая, Пакистана, Марокко, Колумбии и Цейлона впервые появляются на международной арене.

Десятый раз проходит фестиваль в Карловых Варах... Международная ассоциация кинематографистов включила его в категорию «А» наряду с крупнейшими фестивалями, ежегодно происходящими весной в Канне, осенью — в Венеции. По количеству участвующих государств, по качеству представляемых фильмов Карловы Вары уже давно достигли Венеции и Канн. Теперь это признано официально. И не только признано: некоторые кинопродюсеры капиталистических стран уже сделали своеобразные выводы из этого признания — одни пытались саботировать Карловы Вары, другие старались принизить его значение или попросту оклеветать его задачи, третьи прислали фильмы недостаточного качества и совершенно не отвечающие лозунгам фестиваля. Лозунг этот обязывает ко многому. Они гласят: «За благодарство во взаимоотношениях между людьми», «За вечную дружбу народов». Понятно, что это нравятся не всем. Однако — что поделяется? Успех девяти предыдущих чехословацких кинофестивалей был настолько очевиден, что никто не отказался участвовать в десятом.

И вот тихие улочки и парки старинного курортного городка загулами разноязычной толпой, застрелили плакатами, с которых улыбаются Жан-Пьер Жюльен и Витторио Де Сика, Радж Капур и Николай Рыбников, Ив Монтан и Симона Синьоре, а рядом с ними — десятки новых, еще неизвестных актеров, которые завтра могут стать не менее популярными.

После торжественных фейерверков и кратких речей, приветственных возгласов и традиционного туша — фестиваль открылся демонстрацией чехословацкого фильма «Бравый солдат Швейке» и советского фильма «Высота».

Режиссер Карел Стеклый, известный своими экранизациями произведений Ирсака Майнгофа и других чехословацких писателей, приступил к «монументальному труду»: кинотеатр Швейке. Первая серия уже завершена, показана на фестивале и вызвала оживленные споры. Как же может быть иначе? Каждый из миллионов читателей бессмертного романа Гашека и каждый из участников фестиваля оставил себе собственное представление о Швейке, у каждого — свои любимейшие эпизоды и реплики, разве может фильм совпасть со всеми этими представлениями?

Артист Р. Грушинский, еще недавно игравший в театре Буриана роли лирических героев, в образе Швейки обаятелен и своеобразен. Порой его можно упрекнуть в том, что Швейке трактуется им чересчур интеллектуально, что лиризм и резонерство подчас заменяют юмор. Но все же, глядя в широко раскрытые голубые глаза, полные невинности и лукавства, соглашаешься: да, это твой давний знакомец, неунывающий, бравый воjak!

Множество точных и острых деталей рисует быт обывателей Австро-Венгерской монархии. Пейзажи Праги, прекрасно выполненные оператором Р. Шталем, радуют глаз. Но несколько вспоминаешь, что Гашек описывал не красоты Лореты, Карлова Моста, Градчан, а узкие переулочки, запущенные дворы, маленькие лавочки и лавины, в которых ютились беднота. Нарядный образ столичной золотой Праги, созданный в фильме, расходится со скринингом образом Праги, нарисованным Гашеком и его прославленным иллюстратором Я. Ладой. Можно добавить, что сатирическая острота в фильме снижена, его построение скорее иллюстративно, чем драматично. Во второй серии, рассказывающей о похождениях Швейки на фронте, созда-

тели рисует быт обывателей Австро-Венгерской монархии. Пейзажи Праги, прекрасно выполненные оператором Р. Шталем, радуют глаз. Но несколько вспоминаешь, что Гашек описывал не красоты Лореты, Карлова Моста, Градчан, а узкие переулочки, запущенные дворы, маленькие лавочки и лавины, в которых ютились беднота. Нарядный образ столичной золотой Праги, созданный в фильме, расходится со скринингом образом Праги, нарисованным Гашеком и его прославленным иллюстратором Я. Ладой. Можно добавить, что сатирическая острота в фильме снижена, его построение скорее иллюстративно, чем драматично. Во второй серии, рассказывающей о похождениях Швейки на фронте, созда-

телям фильма предстает много возможностей для полного воссоздания великолепного сатирического мастерства Гашека.

Демонстрация «Высоты» сопровождалась горячими аплодисментами. Газета «Руде право» уже печатала сочувственную рецензию Иржи Плахетки. Единодушно признавая актуальность темы фильма, правдивость и чистоту образов молодых советских рабочих, уверенную и изобретательную режиссуру А. Зархи, некоторые критики указывают на отдельные недочеты сценария, на схематизм второстепенных персонажей. Однако эти дружеские замечания высказаны в конструктивной манере, что фильм имеет серьезное значение, что его успех неоспорим.

Значительно бледнее прошел второй день фестиваля. «Васна жизни», поставленная шведским режиссером Арне Матсоном на аргентинском киностудии, с французской актрисой Николь Берже в главной роли, по новелле «Сальские Ромео и Джульетта» швейцарского классика Готфрида Келлера, оказалась, как и следовало ожидать, элективной. Классический сюжет о любовниках, гибнущих из-за вражды своих родителей, перенесенный Готфридом Келлером из Вероны в швейцарскую деревню, а шведским режиссером — в аргентинский рыбачий поселок, оказался лишним не только национальный окраски, но и социального звучания. Душевные поцелуи не заменили высокого и искреннего чувства, а бесконечные потасовки — подлинного драматизма.

Немалый цветной широкоэкранный фильм «Мазурка любви», поставленный Гансом Миллером по оперетке Миллера «Нищий студент», подвиг зритель пылкостью постановки, пестротой красок, теплотой юности режиссуры, беззащитными попытками социального осмысления всего этого.

Хорошее впечатление произвел югославский фильм

«Большие и маленькие». Он трактует излюбленную югославским кинематографистами тему борьбы партизан с полицией в период фашистской оккупации Белграда.

Сюжет и атмосфера фильма: ночь, дождь, тревожные блики карманных фонарей, пистолетные выстрелы по человеческой темноте, растворяющейся в темноте звуков — напоминает известный советскому зрителю фильм «Полночь». Автор сценария «Больших и маленьких» М. Джураджич и режиссер В. Богачич мастерски создают напряжение, искусство ведут насыщенный перипетиями сюжет. Следует упрекнуть их в чрезмерной увлеченности детективными приемами, поэтому общая картина партизанской борьбы предстает несколько обобщенной; не все же патристические и гуманистические идеи фильма донесены отчетливо и сильно.

Полнометражные художественные фильмы сопровождают документальными, научными и мультипликационными короткометражками, из которых наиболее интересен бельгийский очерк о скульпторе и художнике Константине Менше.

Поток картин растет. На очереди — японские, итальянские, индийские картины, представляющие Болгарский советско-болгарский фильм «Урок истории», цветной китайский фильм «Моление о счастье», «Мир танцовщицы» — Соединенных Штатов Америки, а также документальный фильм, представленный ООН.

Постоянный председатель международного жюри чешский искусствовед профессор А. М. Броусил особенно формирует синклит беспристрастных судей для присуждения премий. Журналисты и критики всех стран передают по телефонам и телеграммам свои информации и рецензии.

Десятый кинофестиваль в Карловых Варах только начался. Но многие его участники уже успевают съездать в Москву. Смотр прогрессивного кинематографа всего мира, начавший в Карловых Варах, будет продолжен в Москве на Всемирном фестивале молодежи.

Р. ЮРЕНВ
КАРЛОВЫ ВАРЫ, 8 июля. (По телефону)

Недавно стал известен такой факт: некто Джон Боско, семинарист, заключил со своим другом, студентом Комольским договор, где сказано, что...

Ей-ей, неинтересно, что там сказано. Ничего особенного. Обычный договор. Молкий факт, о котором, может быть, и не стоило распространяться.

Дело в следующем: тот из них, кто умрет первым, говорится в договоре, обязан подать другому весте о том, что с ним произошло на том свете, какой ему оказал прием в преисподней.

Как видите, дело очень простое. Речь идет лишь о том, чтобы наладить прочную связь между живыми и покойниками. В самом деле, почему бы усопшему не сообщить своему другу о своем загробном времяпрепровождении — услаждают ли его в райских кущах или же поджаривают на медленном огне на одной из адских сковородок?

Обе высокопоставленные стороны оказались на высоте. Студент Комольский оспаривал свое слово. Когда он умер, то на том свете ни на одну минуту не позабыл своего друга Джона Боско.

Со своей стороны Джон Боско знал, что имеет дело с сыном, который всегда в точности выполняет все пункты соглашения.

А поэтому Джон Боско на завтра после похорон своего друга не ложился спать, сидел на постели в дортуаре и ждал.

«Прошла полночь... — рассказывал потом Боско, — и вдруг я услышал глухой звук, который доносился откуда-то из коридора. Шум приближался к дортуару. Стены коридора, пол и потолок дрожали, вторя ему... Вдруг стремительно, сами собой, распахнулись двери, и появилось тусклое пятно переливающегося света... Потом чей-то голос вынул произнес: «Боско, Боско, Боско, у меня все в порядке...»

Если читатель хоть на одну минуту подумает, что выше мы цитировали беллетристическое произведение — фантастическое или юмористическое, — то он будет глубоко неправ.

Об этом любопытном происшествии с покойным семинаристом рассказывает между прочим в американском журнале «Тайм», где напечатана очень серьезная

и вдумчивая рецензия на одну серьезную и вдумчивую книгу.

Книга эта названа очень скромно, без излишней крикливости, — «Книга о привидениях». Автор — сэр Шейн Лесли. Издательство — «Шинд энд Уорд». Создается с большим огорчением, что мы сами не имели удовольствия читать высококачественный труд достопочтенного сэра и тем заполнить зияющий пробел в своем образовании.

Но перед нами рецензия, опубликованная в журнале «Тайм», откуда мы и почерпнули несколько замечательных цитат из замечательной книги сэра Шейна Лесли.

При этом американский журнал не прозирает, не смеется, а очень серьезно дает положительную характеристику и «Книге о привидениях», и самим привидениям.

Между прочим, сэр Шейн забавляется привидениями не в одиночестве. На берегах многоинвизионной Темзы спиритические шарлатанство и всякие игры с привидениями поставлены на широкую ногу.

Но вернемся к тем субто «научным» откровениям, которые подарил миру сэр Шейн.

Сэр Шейн Лесли проживает в своем замке в графстве Монаген, Ирландия. И вот в книге он подробно описывает привидения, якобы виденные им как в своем родном замке, так и на чужой жилплощади.

Журнал «Тайм» дает по этому поводу очень интересную информацию:

«Сэр Шейн Лесли впервые увидел привидения, будучи студентом Кембриджского университета, и с тех пор превращал их в ремесло».

Далее американский журнал с той же серьезностью сообщает и некоторые подробности о жизни и быте привидений.

«В эту коллекцию сэр Шейн вносит и свой собственный вклад — то, что он называет «последним словом» о кунианском привидении. Это привидение нарушало покой обитателей одного из домов в Куниане (Ирландия). Оно стучало, носилось по дому, хватало людей за руки, хрюпало, гасило свет...»

Мы обратимся к этой цитате затем, чтоб пригласить читателя в театр.

На сцене — молодая девушка Тая и молодой парень Семен.

ТАЯ (шныкает). Шшш... Услышал! Вот на пальцы спички наклеил, как давеча. (Наклоняется.) Что же, все помнишь?

СЕМЕН (загибает пальцы). Перво-наперво спички намочить. Махать — раз. Другое дело — зубами трещать, вот так... — два. Вот третье забыл.

ТАЯ. А третье-то куда пошло. Ты помни: как бумага на стол падает — я еще в колокольчик позовоно, — так ты сейчас же руками вот так... Гаведи шире и захватывай. Кто volete сидит, того и захватывай. А как захватывай, так жми. (Хохочет.) Барин ли, барыня ли, знай — жми... А как я на гитару заиграю, так как будто просящийся потянулся, знаешь так и просящийся. Все помнишь?

СЕМЕН. Все помню, только смешно болдно...

Их горячая Тая говорит бунфетчику Семену: «А ты не смейся, они все же оба от души хохочут над своими глупыми и невежественными господами, которые серьезно увлечены спиритизмом, верчением столбов и тому подобной ерундой».

Надо полагать, вы узнали, что привиденная сцена взята нами из комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения».

Простые русские молодые люди, Семен и Тая, еще в минувшем веке смеялись над дикими суевериями и предрассудками.

А сэр Шейн Лесли — это век нынешний, а не минувший. «Книга о привидениях» — век нынешний. «Тайм» за 1957 год — тоже не век минувший.

Г. РЫКЛИН

БЕЗ ПРОГРАММЫ, БЕЗ ИДЕОЛОГИИ, БЕЗ НАРОДНЫХ МАСС...

Событие, о котором идет речь, не привлекло внимания широкой мировой общественности. Можно сказать, что оно прошло почти незамеченным. Однако в нем приняли участие видные лица: бывшие министры разных государств, а также министры, ныне действующие, и люди, имеющие шанс стать министрами. Их взгляды и намерения представляют поэтому некоторый интерес.

В Вене состоялся пятый конгресс «Социалистического интернационала». В австрийскую столицу приехали лидеры лейбористского движения в Англии — Хью Гейтскелл, Э. Бивен и Морган Филлипс, глава социал-демократической партии Западной Германии Олленхауэр, заместитель генерального секретаря французской социалистической партии Пьер Комьяр. В большом числе прибыли и выступили с речами лидеры бывших партий правых социалистов, некогда существовавших в государствах Восточной Европы; по воле народных масс они оказались ныне в эмиграции и никого не представляют. Особенную активность проявила Анна Кеттля, состоящая в течение целого дня «министром иностранных дел» в не успевшем приступить к работе, последнем по составу «кабинете» Имре Нада в Венгрии...

Австрийская печать уделяла конгрессу соответствующее внимание гостеприимства количество строк. Отказы ее отнюдь нельзя назвать восторженными. Кто такие эти правые социалисты? Это — завала вопрос буржуазная газета «Эстеррейхские неге тагесцейтунг» и отвечала: «Они стремятся к захвату власти в государстве путем отказа от собственной идеологии». Тут же возникает вопрос: «но куда они повернулись?». «Из цели и методы окутаны туманом, пустой фразеологией»...

Главное направление социалистических партий, писала газета «Фольксшитимунг», «это враждебность против стран социализма и защита всех политических тезисов американского империализма». Конгресс, по мнению газеты, «несет на себе печать Даллеса».

Эти оценки полностью подтверждали пятнадцатидневная работа конгресса и его резолюции. Как действующие, так и бездействующие министры и лидеры проявили интерес ко всем важнейшим вопросам международного положения. Но, во-первых, их взгляды не содержат ничего социалистического, научного, марксистского, тем более ничего революционного. Во-вторых, эти взгляды уже в основном изложены в многочисленных документах государственного департамента США.

Так, на конгрессе поговорили о положении в Ближнем Востоке. Доклад сделала министр иностранных дел Израэля Голда Мейр. По ее мнению, только арабы якобы «спонсировали» в напряженной обстановке, создавшейся в этом районе. Естественно, в резолюции нет ни слова в осуждение экспансии американских нефтяных монополий, неоклонистской «доктрины Эйзенхауэра».

Никакого осуждения не получила в резолюциях и политика правых французских социалистов в Алжире, хотя кое-кто из выступавших в прениях критиковал эту жестокую и бесперспективную политику. Решено послать в Алжир «посредническую комиссию», но состав сей комиссии будет определяться самим бюро интернационала, в котором видную роль играют... французские социалисты.

Из резолюции по международному положению после долгих препирательств изыал пункт, в котором говорилось, что объединенная Германия не должна входить в какие-либо военные блоки. «Социалисты» из государств, входящих в Атлантический блок, оержали при этом победу.

Что же касается «вопроса» о Венгрии, то мнение конгресса не разошлось ни со сложившейся практикой фашистского мятежа Анной Кеттля, ни с фальшивками прелестной «комиссии» ООН, которая представляла недавно клеветнический доклад о Венгерской Народной Республике. Предложениям Кеттля могли бы поаплодировать наиболее реакционные из американских сенаторов: она рекомендовала

«всем государствам» поврать дипломатические отношения с Венгрией и организовать экономическую блокаду этой страны...

Небольшой «слегка» наблудился и на венском конгрессе: правые социалисты решили поддержать всевозможные требования о разоружении, о прекращении атомно-водородных испытаний, сопровождении, все эти рекомендации довольно туманными формулировками. Пожалуй, самыми последними на земном шаре они признали право Китайской Народной Республики быть представленной в ООН, не делая при этом никаких выводов относительно американской агрессивной политики на Дальнем Востоке.

Антикоммунистической клеветы был предоставлен на конгрессе широкий простор. Это, пожалуй, единственное, что объединяет участников конгресса: по многим важным вопросам у них нет единства — английские лейбористы серьезно расходятся с французскими социалистами в оценке недавней англо-французской агрессии против Египта; европейские социалисты придерживаются иных взглядов на все вопросы колониализма, чем их азиатские и африканские собратья...

Народные массы в Западной Европе все меньше поддаются на призывы правых социалистов: ведь у этих антимарксистов нет никакой позитивной программы. А вие Западной Европы прелестной «демократической социализм», который так трудно отличить от идеологии «атлантических генералов», не пользуется никакой популярностью. Простые люди всего мира отвергают как НАТО, так и ее проповедников из «Социалистического интернационала».

Кирилл ДЕНИСОВ

Жители швейцарского города Лозанны, требующие прекращения атомных испытаний, провели по улицам города возмущенно устроенные лозунгами. Надписи гласят: «Швейцария также угрожает этой опасностью», «Нет — испытаниям атомного оружия».

Индия строит

В Индии мне часто приходилось слышать такую фразу: «От англичан нам достались в наследство английский язык и ницета».

М. АЛМАЗОВ

Ценность первой части наследства весьма сомнительна. За два века британского господства лишь незначительная часть населения Индии изучила английский язык. От второй доли наследства, от тяжких последствий колониализма — экономической отсталости, ницеты, неграмотности — индийский народ всеми силами стремится сейчас избавиться.

Десять лет назад Индия пережила второе рождение и обрела свободу. За этот короткий срок невозможно уничтожить все то зло, которое причинили стране чужеземные поработители. Нелегко индийскому народу полностью освободиться от иностранной экономической зависимости. Однако с 1947 года труженики Индии сумели добиться заметных успехов. Засушливую, черствую землю порезала сеть ирригационных каналов, строятся десятки крупных плотин, гидростанций, заводов, фабрик, школ, больниц. В самом центре страны сооружается большой металлургический комбинат в Бхилан — момент индо-советской дружбы.

РЕКА РАДОСТИ И ИЗОБИЛИЯ Вблизи Калькуттыского университета есть скромная кофейня — излюбленное место студентов. Здесь можно недорого перекусить и под огромными вентиляторами, свисающими с потолка, передохнуть от пыльной и душной жары. Однако даже не это привлекает сюда посетителей. Кофейня — своеобразный студенческий клуб; по традиции там собирается молодежь, чтобы за чашкой кофе и сухим ометлом обсудить политические новости, последние литературные произведения, поругать университетские порядки. Здесь выносятся на первый суд общественности свои стихи начинающий поэт и обсуждают с приятелями планы будущей жизни выпускники университета. Часто за столиками вспыхивают шумные споры. Я бывал в кофейне несколько раз со своим другом Палем Мукарджи — аспирантом-экономистом, живым, общительным малым, который, казалось, знал все не только в университете, но и в Калькутте.

Как-то раз речь зашла там о безработице. Проблема, действительно, очень острая. Среди лиц, окончивших институты и коллегии, каждый десятый пока еще не имеет работы. В деревнях и городе насчитываются миллионы свободных рук. Мнения присутствующих разделились. Одни считали, что мероприятия, предусмотренные вторым пятилетним планом, если не уничтожат безработицу полностью, то значительно сократят ее. Другие были настроены более скептически и указывали, что план недостаточно учитывает возрастающий приток новой рабочей силы и недооценивает положение лиц, занятых неполной рабочей день.

Бросив очередную реплику, Паль наклонился ко мне и, показав глазами на моего соседа справа, тихо сказал: — Вам будет интересно с ним поговорить. Я вас познакомлю.

Человека, о котором говорил Паль Мукарджи, я видел в кофейне впервые. Еще совсем молодой, статный, смуглый, черноволосый, он казался несколько суровым, но всякое ощущение суровости исчезало, когда на его лице появлялась неожиданная мягкая, застенчивая улыбка. Звали его Чандра Рой.

— Зашел к этим спорщикам по старой студенческой привычке. Я ведь начинал здесь инженерный колледж, — пояснил он. — А теперь работаю в Дамодаре.

Соблазн поговорить с участником строительства одного из самых больших гидротехнических сооружений в стране был настолько велик, что я тут же приступил к расспросам. Впрочем, расспрашивать особенно не приходилось, мой собеседник сам рассказывал о ней очень охотно.

— Меня называют стариком, — сказал он и рассмеялся, понимая, как не вяжется подобное утверждение с его молодостью, — нет, не по возрасту, а по опыту работы. Сначала я строил Майуракшинскую ирригационную систему. Как-то я читал о ваших молодежных стройках, о юношах и девушках с горящими сердцами и неиссякаемой энергией. Так вот у нас в Майуракши было нечто похожее. Мы, молодые, сами составили проект и сами его выполняли за шесть месяцев до срока. Вам должно быть понятно, какое законное чувство гордости мы испытыва-

ли. Это была первая стройка свободной Индии. За короткий срок мы построили плотину, небольшую гидроэлектростанцию, продолжили каналы длиной в 1 150 миль и сделали 1 400 искусственных спусков для воды.

Спор о безработице становился все более горячим. Чандра Рой переждал, пока голоса немного стихли, и продолжал:

Велико ли значение Майуракшинской системы? А вот послушайте сами. Осадки в Бенгалии выпадают крайне нерегулярно, две трети дождей приходится на период муссонов. С июня по сентябрь воды избыток, она заливают поля и губит урожай, зато в конце года наступает засуха и землю почти невозможно обрабатывать. В результате только на одной десятой земли урожай можно снимать два раза в год. Теперь же Майуракшинская система вместе с другими ирригационными сооружениями снабжает водой 25 процентов обрабатываемой площади, и урожай на ней можно снимать по три раза в год. Экономисты подсчитали, что это может дать дополнительно дохода на 80 миллионов рупий ежегодно.

И все же водой обеспечена пока лишь четвертая часть земли? Как это у вас говорится? Лишь бела начало? — весело парировал Чандра Рой. — Слушайте дальше. Теперь я работаю на дамодарском строительстве. Место мне особенно дорого потому, что я родился и вырос на реке Дамодар. С детства лет я твердо знал: вода — это жизнь. Деревни и селения льнут к реке, как к матери. Но Дамодар была капризна и коварна, она то покорно служила людям, то в ярости разливалась и несла голод, разорение и смерть. Недаром народ называл Дамодар рекою горя.

Чандра Рой вырвал из блокнота листок бумаги, быстро набросал что-то похожее на контуры дерева, на ветках нарисовал кружочки.

— Так, пожалуй, будет понятно. Это ветвистое дерево — река Дамодар с притоками. Восемь кружочков означают восемь плотин с водохранилищами и гидростанциями. Две из них уже построены, на двух других работы близятся к завершению. А вот тут, — он ирригационной системы, — воздвигается дамба длиной почти 700 метров и высотой 27 метров. Когда строительство в целом будет закончено, вода оросит более миллиона акров земли. На протяжении 85 миль ирригационные каналы будут судорожны, и это позволит связать промышленные предприятия Калькутты с угольными разработками. Пройдет

немного времени, и Дамодар будут называть не рекою горя и печали, а рекою радости и изобилия.

— Я все время говорил об орошении, но ведь дамодарская стройка — это также крупнейший источник гидроэнергии. Здесь будут построены восемь гидроэлектростанций, и самая крупная в стране теплоэлектростанция.

— Нужно ли говорить, как много мы ждем от этой стройки? — продолжал Чандра Рой. — Ведь, как сказал Неру, «мы еще пребываем в веке каменья», четыре пятых населения Индии не знают, что такое электрический свет. Дамодарский электроирригационный узел самый большой, но ведь он один из многих, которые сейчас строятся по всей стране.

Чандра Рой говорил убедительно, выволновано. Чувствовалось, что он не только внимательно следит за успехами родины, но и считает все ее смелые начинания своим близким делом.

Тем временем спор за столом стих. Кое-кто начал прощаться. Паль Мукарджи давно уже подавал знаки, что пора было уходить и нам. Прощаясь с Чандрой Рой, я искренне пожелал ему большой удачи в жизни.

ТЕНЬ ФОРТА ВИЛЬЯМА Полуденный зной спал. Визналил вей с шумной торгивой Дхарамтастрит мы вышли на площадь Эспланад и не сговариваясь, свернули в Мейден — громадный парк в центре города. Калькутты называют Мейден своими «легкими». Здесь есть спортивные площадки, теннисные корты и водные станции. Но, пожалуй, самое приятное — это то, что в парке можно ходить по траве, сидеть или лежать на земле в тени деревьев.

Мы не спеша брели по зеленому ковру, наслаждаясь легкой прохладой с Хугли-реки. Я рассказывал Мукарджи о том, что утром был на дамодарской фабрике милах в сорочке от Калькутты. Фабрика большая, принадлежит англичанам, оборудование старое, рабочие и служащие жаловались на низкую заработную плату, оклад же техника англичанина в три раза превышал оклад индийца той же квалификации. Мукарджи шел молча, и было неясно, слушал ли он или думал о чем-то своем.

— Какую зловещую тень бросает форт Вильяма, — произнес он вдруг. Я с удивлением взглянул на него, затем на видневшуюся впереди мрачную призмистую крепость с толстыми стенами и бойницами, окруженную глубоким ровом.

— Этому форту более двух веков, —

продолжал Мукарджи, — отсюда «Ост-Индская компания» осуществляла захват Индии. Затем долгие годы он был ее опорным пунктом. С него началось и строительство Калькутты, которая стала затем столицей британских владений в Индии.

— Памятник печального прошлого, — Да, сейчас англичан там, конечно, нет, но зловещая тень их осталась, — повторил он снова и, заметив мое недоумение, добавил: — Вот вы сегодня были на дамодарской фабрике, которая принадлежит англичанам. А знаете ли вы, что дамодарская промышленность Индии в значительной степени находится под контролем английского капитала? И не только дамодарская. Есть такой трест Эндрю Юлл, контора которого, кстати, помещается здесь, в Калькутте, в том же самом здании, где раньше находился филиал влиятельнейшей премириссии «Ост-Индской компании». Так Эндрю Юлл владеет десятью дамодарскими, семнадцатью чайными компаниями. Кроме того, ему принадлежит десять угольных шахт, бумажная фабрика, сахарный завод и многие другие промышленные предприятия.

— Ну, это, наверное, пример исключительный, — спросил я. — Совсем нет. Кроме Эндрю Юлла, есть еще ряд английских трестов — Мак-Леод, Мартин-Бери, Дунан и другие, которые владеют многими индийскими промышленными предприятиями. Мукарджи проводил глазами загруженную доверку повозку, которую рядом по шоссе медленно тащил худой босоножный ринша, и продолжал, все более распускаясь:

— Сейчас мы создаем тяжелую индустрию, и вы, конечно, понимаете, как нужен стране уголь. Лучший уголь находится в Ранигунджанском бассейне в Западной Бенгалии. По второму пятилетнему плану его добыча должна достигнуть 8 миллионов тонн в год. И вот весь этот уголь попал в частные руки. Львиную долю добычи контролируют английский трест Мак-Нейл Бэрри и все тот же Эндрю Юлл.

— Немного помолчал, мой собеседник продолжал:

— Правда, деятельность иностранных компаний регламентируется постановлениями индийского правитель-

ства, но ведь у монополий одна цель — нажива. Сырье и рабочая сила в Индии дешевы, продукция же английских заводов и фабрик сбывается по очень высоким ценам. Колоссальные прибыли переправляются в иностранные монополии за границу. Понятно, что эти монополии не видят смысла в том, чтобы заботиться об улучшении условий труда или приобретать современное оборудование. Дело дошло до того, что наша чайная промышленность, где господствуют иностранцы, находится на грани катастрофы. А в угольных шахтах работать просто опасно.

— Разве нельзя что-нибудь предпринять против английского засилья? — Он пожал плечами, потом сказал несколько устанным голосом:

— Наверное, можно. Позиции англичан стали значительно слабее со времени провозглашения независимости. Но положение осложняется тем, что иностранный капитал сейчас тесно переплелся с отечественным. Образовались крупные промышленные концерны, в которых индийские промышленные магнаты, такие, как Тата, Бирла и другие, участвуют на паритетных началах с англичанами, а в последнее время и с американцами. Чтобы распутать этот клубок, нужно много времени...

Он помолчал, а потом добавил:

— И, может быть, надо больше решительности.

По-ужному быстро наступала ночь. На площади Эспланад зажигались рекламные, настойчиво требуя пить английский чай «Литтон» и курить английский сигареты «Копстон». Воздух владел, с реки поплыл легкий туман. У подножия памятников английским полководцам устраивались на ночлег беженцы из Пакистана. Пора было и нам возвращаться домой.

В РЕДАКЦИЮ

«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Очень прошу Вас передать через Вашу газету мое искреннее благодарности всем организациям, товарищам и друзьям, которые прислали поздравления по случаю награждения меня орденом Ленина.